

УДК 283/289–316.6

Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования)

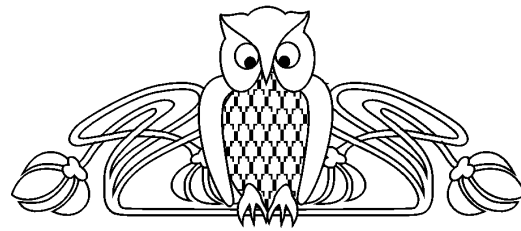
О. Б. Халидова, М. М. Шахбанова

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Новой и Новейшей истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, o.khalidova2011@mail.ru

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, madina2405@mail.ru

Одним из ярких проявлений религиозной составляющей постсоветского времени в России стало так называемое *евангельское пробуждение*, идеологами которого стали последователи протестантов. Усиление позиций протестантизма на постсоветском пространстве ярко обнаружило себя и в религиозно-общественной жизни национальных регионов Российской Федерации, в частности в Республике Дагестан. Последовавший кризис постсоветского общества спровоцировал «наплыв» западных миссионеров с целью создания здесь устойчивых общин. «Вторжение» проповедников «слова о Христе» в поликонфессиональное пространство дагестанского общества, где ислам на протяжении многих веков оставался единственно «правильной» религией для коренных народностей с четкими укоренившимися в обществе установками и правилами, было воспринято неоднозначно, если не сказать негативно. В настоящей статье раскрывается социальный портрет протестанта в современном дагестанском обществе, его социально-демографическая специфика. Социологическое измерение религиозного самочувствия последователей протестантских общин показывает их приверженность к прозелитической и миссионерской деятельности, ориентированность на распространение своего вероучения среди носителей иного. Результаты исследования демонстрируют позитивную оценку дагестанскими протестантами прозелитизма с мотивацией его ненасильственного, мирного и добровольного распространения, неприятие агрессии при одновременном игнорировании возможности обострения межрелигиозных и межнациональных отношений (52,4%). Установлено, что миссионерский и социальный успех протестантского вероучения сделал его последователей частью религиозного общества постсоветского дагестанского общества при одновременном существовании в массовом сознании дагестанцев их негативного восприятия, которым чуждо восточное православное сознание. Выявлено, что опрошенные имеют различные точки зрения на распространение своего вероучения среди исповедующих другие религиозные учения, а также механизмы его использования. С одной стороны, провозглашение принципов свободы выбора того или иного религиозного мировоззрения, с другой, установка на подчеркивание исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности» дает нам право сделать вывод о противоречивости в суждениях респондентов.

Ключевые слова: Дагестан, веротерпимость, миссионерская деятельность, религия, протестанты, протестантские общины, прозелитизм.

Social Portrait of Dagestan Protestants (By the Results of Sociological Research)

O. B. Khalidova, M. M. Shakhbanova

Olga B. Khalidova, <https://orcid.org/0000-0002-3454-9427>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragskogo Str., Makhachkala 367030, Russia, o.khalidova2011@mail.ru

Madina M. Shakhbanova, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragskogo Str., Makhachkala 367030, Russia, madina2405@mail.ru

The so-called «evangelical awakening» was one of the brightest manifestations of the religious component of the post-Soviet period in Russia. The followers of Protestantism were ideologists of this phenomenon. Strengthening the position of Protestantism in the post-Soviet space clearly revealed itself in the religious and social life of the Russian Federation national regions, particularly in the Republic of Dagestan. The subsequent crisis of the post-Soviet society provoked an «invasion» of Western missionaries. Their purpose was to create sustainable communities. The «invasion» of the preachers «words about Christ» in the poly-confessional space of the Dagestan society was perceived ambiguously, if not negatively. Islam was practiced in this region for many centuries and remained the only «correct» religion with clearly established social attitudes and rules for indigenous people. The social portraits of Protestants in modern Dagestan society and their socio-demographic specifics are revealed in this article. Their adherence to proselytism and missionary activities and focus on the distribution of their religious beliefs among different carriers by sociological dimension of religious well-being followers of Protestant communities are demonstrated. The results of research showed a positive evaluation of proselytism by Dagestan Protestants with the motivation of its non-violent, peaceful and voluntary dissemination, opposition to aggression, ignoring the possibility of aggravation of inter-religious and inter-ethnic relations. It was found that the followers of Protestantism began to be a part of the religious community of post-Soviet Dagestan society by means of missionary and social success of Protestantism with simultaneous existence of negative perception of Eastern Orthodox consciousness as an alien concept. It is revealed that the respondents have different points of view on the propagation of their doctrine among other religious teachings, as well as the mechanisms for using it. On the one hand, declaring the principles of a particular religion free choice are presented, on the other hand, emphasizing the exclusiveness of one's doctrine with the motivation for its «perfection and correctness» gives the right to conclude that respondents are contradictory in their judgments.

Keywords: Dagestan, tolerance, missionary activity, religion, Protestants, Protestant communities, proselytism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>

Кардинальное изменение роли религии и религиозных объединений в жизни общества является одним из проявлений трансформации российского общества в постсоветский период. Наблюдающееся усиление значимости конфессионального фактора, проникновение его во все социальные сферы, стремление высших духовных лиц поставить под свой контроль сферу образования и т. д. вызывают неприятие в современном обществе по целому ряду причин, среди которых следует отметить утрату накопленного в прежние годы, во-первых, принципов веротерпимости, во-вторых, толерантности к инакомыслящим.

Подобного рода преобразования не прошли бесследно и в религиозной составляющей нашего общества, что нашло отражение в росте количества самоидентифицирующихся как верующие, увеличение численности религиозных объединений. Все это позволило им не только активизировать свою деятельность в обществе, но и стать важным элементом социальной структуры российского общества. На данный факт совершенно справедливо указывают отечественные исследователи, отмечающие, что «показатели религиозной ситуации за последние десятилетия демонстрируют нам высокий уровень религиозной самоидентификации россиян»¹.

В ситуации роста количества религиозных организаций и значимости религии в современном российском обществе частью религиозной картины, впрочем, как и гражданской жизни, общественно-политических дискуссий становятся не только последователи авраамических религий (ислама и православия), но и представители различных направлений протестантизма. Динамика роста последних в России с 1990 по 2015 г. показывает нам увеличение в 3,5 раза: с 1455 по 4053².

Стремительный рост протестантских общин в современном обществе постсоветского пространства, а также появление новых (нетрадиционных) религиозных течений определило тем самым повышенный интерес к ним.

Усиление позиций протестантизма на постсоветском пространстве ярко проявилось и в религиозно-общественной жизни российских регионов, в том числе и в Республике Дагестан, где ислам на протяжении многих веков оставался единственно «правильной» религией для этнических дагестанцев с четко укоренившимися в обществе религиозными установками и правилами. Возможно, подобное можно объяснить с позиций присущего протестантам космополитизма. Как и остальные мировые и национальные вероучения, он не признает вероисповедных, религиозно-национальных или каких-либо иных ограничений для миссионерской деятельности.

Индивидуальный подход и внимание к каждому конкретно взятому человеку не только психологически располагает индивида, впервые побывавшего на молитвенных собраниях протестантов, но и вынуждает вернуться сюда вновь.

Такая деятельность приводит к возникновению личных контактов и преследует цель сблизить людей, соответственно, как правило, первая встреча получает свое продолжение.

Разумеется, в поликонфессиональной среде, к числу которых относится и Дагестан, где ислам и православие имеют глубокие корни и тесные межрелигиозные контакты, прозелитическая деятельность протестантских проповедников неизбежно обусловила обострение религиозной ситуации в дагестанском обществе, хотя и в латентной форме. Кроме того, в отличие от православия, успехи протестантов связаны с наличием у них опыта и постоянного настроя на проповедь Евангелия.

Если рассматривать протестантские общины Дагестана с точки зрения их религиозной формы, то можно выделить ряд специфических черт, характерных большинству направлений протестантизма, их вероучению, нравственным принципам, организации, психологии и образу жизни. На наш взгляд, одними из таких специфических черт являются, во-первых, чрезмерное подчеркивание истинности избранного пути спасения, во-вторых, отрицание иерархического принципа управления, деление на «клир» и «мир», в-третьих, большая, по сравнению с христианскими церквями, роль религиозных лидеров (пасторов), в-четвертых, стремление к интенсивной прозелитической и миссионерской деятельности. Одной из особенностей протестантов Дагестана является и то, что они функционируют в основном в городах. Последние с точки зрения масштаба, разнообразия социальной среды и скрытности поля деятельности протестантских проповедников, наличия большей доли молодежи становятся удобным местом для миссионерской проповеди и религиозно-воспитательной работы. Подтверждает вышеуказанный тезис тот факт, что протестантские общины «Осанна» и Адвентисты седьмого дня имеют большой контингент и интенсивность посещаемости именно среди молодого поколения.

Вместе с тем переход в иное вероучение имеет негативные тенденции, обусловленные большей частью мировоззренческой неустойчивостью, что демонстрируется динамикой влившихся за последние годы в ряды протестантов. Для большего понимания психологии adeptов и определения причин, побудивших людей придти именно сюда, мы имели беседы с некоторыми представителями протестантов. Причины оказались весьма разнообразны и порой даже интересны. Среди них и сновидения с определенным смысловым содержанием, ставшие толчком для многих обратиться к христианской вере. Были и такие, которые шли туда, думая, что это психологический центр, и оставались там. Третью группу, в основном это молодежь, составили просто обычные зеваки, пришедшие ради так называемой тусовки. Однако в большинстве своем каждый новообращенный пришел в протестантскую церковь с грузом

идейных, религиозных, социально-политических воззрений, со своим жизненным опытом, интересами, потребностями, а следовательно, чаяниями и надеждами, обращенными к общине и союзу единоверцев.

Как показывает наше включенное наблюдение, большинство верующих читают газеты, даже иногда светскую литературу, смотрят телевизор, интересуются кино, театром, не выступают против инаковерующих. Многие из них пассивно относятся к религиозному воспитанию детей, хотя усматривают в нем определенное преимущество. В основе социальной миссии, по утверждению протестантов, лежит совершенный образ жизни верующего, признаки которого должны проявиться через его общественную, семейную, духовную жизнь, отразиться в его быте, нравах и поведении. Тезис о том, что «семьи верующих должны являть собой образец семейных отношений, где царят любовь, забота, чуткость, где не должно быть разводов, где дети должны воспитываться трудолюбивыми и честными», неоднократно звучал в проповедях молитвенных собраниях одной из многочисленных по численности протестантских адептов республики церкви «Осанна». Иными словами, последователи этого вероучения придерживаются позиции, что должна быть гармония между духовным и физическим совершенством, ибо здоровые духовно и физически верующие смогут исполнить возложенную на них миссию по спасению человечества. Аналогичного мнения придерживаются и последователи течения Адвентистов седьмого дня, акцентирующие большое внимание на важности системы воспитания и установок здорового образа жизни. В своих проповедях все протестантские общины много говорят о вреде вина и курения, а адвентисты седьмого дня дополняют данный тезис еще одним существенным утверждением о вреде употребления чая, кофе и свинины.

В протестантских общинах Дагестана широко применяется комплекс идейных установок религиозного воздействия, формирующих в сознании устойчивую религиозную доминанту, воспитывающую «христианский характер». Важными условиями воспитания «христианского характера» являются ежедневные «молитвенная практика» и «изучение Священного Писания», регулярное посещение молитвенных собраний и постоянное общение с верующими вне молитвенного дома.

В 2016 г. авторами был проведен социологический опрос по изучению факторов формирования веротерпимости в современном дагестанском обществе, состояния протестантских и неопротестантских общин и их отношения к прозелитизму. Анкета была обсуждена на заседании Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Опросом были охвачены протестантские общины, являющиеся в настоящее время наиболее многочисленными

с точки зрения количества действующих религиозных объединений из всех протестантских в современном российском религиозном пространстве. Социологическое исследование проведено в форме интервью.

При изучении типа религиозности протестантов была использована классификация Н. П. Алексеева, подразделяющая подгруппы «верующих» и «неверующих» на активных и пассивных, «колеблющихся» – на последовательных и непоследовательных. Для выявления религиозной активности дагестанских протестантов авторы опираются на предложенную Ф. Н. Ильясовым *методику измерения религиозности*, по мнению которого «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак “вера”, другой – “отношение к религиозной (атеистической) деятельности”. Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя “участие в религиозной (атеистической) деятельности”, по вертикали – “вера” и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности»³. В некоторых случаях авторы исследования использовали *метод включенного наблюдения* для глубокого изучения мотивов перехода носителей исламского и православного вероучений в ряды протестантских общин (баптистов, пятидесятников, адвентистов и т. д.). $N = 165$.

По результатам нашего исследования, по типу религиозности опрошенных представителей протестантских общин в республике можно отнести к двум подгруппам: «убежденно верующие» (65,1%) и «верующие» (34,9%). Из 47,6% опрошенных самоидентифицирующихся «пятидесятниками», доля «убежденно верующих» составляет 41,5% и «верующих» 59,1%; далее 41,3% респондентов являются последователями вероучения Адвентистов седьмого дня, среди них 43,9% «убежденно верующих» и 36,4% «верующих»; 3,2% опрошенных являются баптистами, по подгруппам среди них 2,4% «убежденно верующих» и 4,5% «верующих».

При изучении протестантских общин в Дагестане, в котором доминируют два вероучения – ислам и православие, возникает вопрос: «Как выглядит социально-демографический портрет протестанта?». По результатам нашего исследования, 26,8% мужчин и 73,2% женщин по *типу религиозности* отнесли себя к «убежденно верующим», к подгруппе «верующих» 31,8% мужчин и 68,2% женщин, что позволяет делать вывод о том, что среди женщин больше доля обозначающих свое отношение к религии. По *отношению к религии* 65,1% опрошенных являются «убежденно верующими» и 34,9% «верующими». По *возрасту* «убежденно верующих» 9,8% опрошенных «до 20 лет», 19,5% «от 20 до 30 лет», 17,1% «от 30 до 40 лет», по 14,6% «от 40 до 50 лет» и «от 50 до 60 лет» и 22,0% «от 60 лет и выше»; к подгруппе «верующих» себя отнесли 31,8% «от 20 до

30 лет», 18,2% «от 30 до 40 лет», 31,8% «от 40 до 50 лет», 13,6% «от 50 до 60 лет». По образовательному признаку 22,0% со средним, 24,4% средним специальным, 53,7% высшим и незаконченным высшим образованием являются «убежденно верующими»; 27,3% со средним, 18,2% средним специальным, 54,5% высшим и незаконченным высшим отнесли себя к подгруппе «верующих». По социальному положению 12,2% рабочих, 22,0% служащих, по 9,8% студентов, учащихся и предпринимателей, 34,1% пенсионеров, 4,9% домохозяек, 7,3% безработных по типу религиозности относятся к «убежденно верующим»; 31,8% рабочих, 36,4% служащих, 9,1% студентов, 18,2% пенсионеров и 4,5% домохозяек по типу религиозности являются «верующими». По национальному признаку 7,3% аварцев, 7,3% кумыков, по 9,8% лакцев и лезгин, 46,3% русских позиционируют себя как «убежденно верующие»; по 13,6% аварцев и лезгин, 4,5% даргинцев, 4,5% кумыков, 22,7% лакцев и 31,8% русских – как «верующие».

Одной из характерных черт рассматриваемых нами протестантских общин является их полинациональный состав. В этой связи для нас особый интерес представляют носители мусульманского вероисповедания, принявшие иное вероучение. Согласно полученным результатам исследования, в общине пятидесятников 4 аварца, 1 даргинец, 4 кумыка, 3 лакца, 3 лезгина, 8 русских; 9 респондентов отметили вариант ответа «другое», несмотря на то, что были перечислены основные протестантские течения. Имели место быть и варианты ответов, когда от руки дописывали слово «протестант» (2 чел.) или «христианин» (2 чел.). Средний показатель по всему массиву составил 49,2%. К общине адвентистов себя отнес 1 аварец, 6 лакцев, 3 лезгин, 14 русских; к баптистам причислили себя 2 представителя русской национальности. Следует отметить, что многие опрошенные не захотели обозначить свою национальную принадлежность с мотивацией свободы вероисповедания.

Отмечая тот факт, что в поликонфессиональном Дагестане, где ислам и православие имеют достаточно сильные позиции, протестантским миссионерам и пасторам вести активную религиозную жизнь довольно непросто. Руководитель одной из протестантских общин отмечал, что в период нового возрождения их деятельности, в 1990-х – начале 2000-х гг., часто в их адрес поступали угрозы, наблюдались попытки сорвать богослужения и даже «насилно заставить верующих адептов отказаться от Иисуса»⁴. Существование религиозной интолерантности и определенных действий со стороны отдельных представителей традиционных вероисповеданий вполне можно объяснить на волне исламского возрождения, которое пыталось закрепить свое положение и статус в религиозном пространстве Дагестана. Кроме того, внутри Духовного управления мусульман Дагестана также шли жесто-

ченные споры за власть и влияние на умы людей, что в конечном итоге привело в одно время к расколу внутри данной организации по этническому признаку⁵. Но в настоящее время существовавшее ранее в открытой форме негативное отношение к протестантским общинам ушло в прошлое, и, по словам духовных настоятелей, «подобные выходы случаются довольно редко, но они имеют место быть»⁶. Также следует учесть наличие исторически в массовом сознании дагестанских народов принципов веротерпимости⁷.

В связи с вышесказанным для анализа религиозного самочувствия последователей изучаемых нами протестантских общин и выявления свободы вероисповедания на территории Дагестана опрошенным был задан вопрос, позволяющий установить существование свободы вероисповедания: «Есть ли у вас возможность на территории Дагестана свободно придерживаться своего религиозного учения?».

По результатам нашего исследования, каждый второй опрошенный по всему массиву отметил возможность придерживаться своего религиозного учения при наличии «вести проповеди среди последователей своего вероучения»; второе ранговое место занимает суждение, что они имеют «возможность в полной мере придерживаться основ своего вероучения». При этом каждый пятый респондент по всему массиву отмечает, что сталкивается с нападками со стороны отдельных лиц другого вероучения. Противоположной позиции – «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны неофициальных, нетрадиционных мусульманских религиозных течений» – придерживается каждый восьмой опрошенный по всему массиву. Статистически незначимая доля опрошенных выбрала суждение «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны официальной православной церкви» и «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны официального мусульманского управления».

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что носители протестантского учения в современном дагестанском обществе не испытывают на себе негативного отношения со стороны представителей иного вероисповедания, соответственно, и чувства ущемленности. Однако в процессе личного общения с прихожанами церквей авторами сделан вывод о том, что не всегда прихожане протестантских общин находят поддержку и понимание со стороны ближнего окружения (родных и близких) за посещение протестантской церкви. И большей частью, можно даже сказать, подвергаются остракизму неопиты, перешедшие из ислама в протестантизм.

При составлении анкеты социологического опроса мы исходили из предположения, что специфической чертой протестантов в Дагестане

является их ориентированность на прозелитизм и миссионерскую деятельность. Подспудно данный процесс наблюдался в дагестанском обществе в 90-х гг. XX в., ибо последователи протестантских общин вели активную религиозную деятельность на улицах, ходили по домам и раздавали литературу религиозного содержания, но в настоящее время она несколько спала, видимо, из-за боязни такими методами и средствами распространять свое учение. В связи с этим обстоятельством в исследовании не менее важным является изучение тенденций распространения прозелитизма на территории Дагестана, поэтому протестантам был задан вопрос: «Допустимо ли распространение своей религиозной веры среди людей, не исповедующих ваше религиозное учение?». По всему массиву опрошенных превалирует позитивное отношение к прозелитизму с мотивацией «если это делается разумными и мирными доводами» (52,4%); по типу религиозности доминирует подгруппа «убежденно верующих» (61,0%) в противовес 36,4% «верующим». На второй позиции располагается суждение «если эти люди мне близки», разделяемое каждым третьим опрошенным как по всему массиву, так и по подгруппам «убежденно верующих» и «верующих». Обращает на себя внимание позиция, допускающая навязывание своего вероучения «всем без исключения» (27,0%), среди них 29,3% «убежденно верующих» и 22,7% «верующих». При этом суждение «это может ухудшить отношения между людьми разных вероучений» отмечено статистически небольшой долей опрошенных (по 1,6%), что свидетельствует о наличии в установках протестантов в латентной форме ориентированности на распространение своего вероучения среди последователей иных религий. По возрастному признаку позитивно прозелитизм с мотивацией «если эти люди мне близки» оценивают в когорте «от 60 лет и выше» (66,7%), 38,5% – «от 40 до 50 лет», по 33,3% – «от 20 до 30 лет» и «от 50 до 60 лет» и меньше всего отметивших в подгруппе «до 20 лет» (20,0%); при этом 80,0% опрошенных «до 20 лет», 40,0% «от 20 до 30 лет» ближе позиция о прозелитической деятельности среди всех людей без исключения. С возрастом увеличивается доля придерживающихся суждения «если это делается разумными и мирными доводами» – 55,6% «от 60 лет и выше», 38,5% «от 40 до 50 лет», 33,3% «от 20 до 30 лет», 77,8% «от 50 до 60 лет» и 90,9% «от 30 до 40 лет». При этом негативную оценку прозелитизма с мотивацией «возможного ухудшения «отношений между людьми разных вероучений» демонстрирует каждый девятый опрошенный в подгруппе «от 50 до 60 лет». Таким образом, можно сделать вывод о том, что опрошенные независимо от типа религиозности и возраста ориентированы на положительное отношение к прозелитизму, причем доля усматривающих возможные негативные последствия прозелитической деятельности в форме ухудшения межрелигиозных и межнациональных

отношений респондентами во внимание практически не принимается.

С целью установления динамики распространения иного вероучения среди последователей различных вероисповеданий респондентам был задан вопрос: «Каковы пути распространения основ другой религии среди последователей иного вероучения?». О последовательности религиозных установок опрошенных свидетельствует доминирование, причем с очень большим отрывом от иных суждений, позиции «добровольный» (92,1% по всему массиву), по подгруппам: 90,2% «убежденно верующих» и 95,5% «верующих»; возможность распространения своего вероучения «предложением денег, льгот» допускают 1,6% респондентов, 4,8% допускают «навязывание и угрозы», но обращает на себя внимание, что опрошенные независимо от типа религиозности не допускают насильственного метода приобщения исповедуемого вероучения среди последователей иных религий, и данный вариант ответа никем не был отмечен. На наш взгляд, наличие такой позиции в массовом сознании опрошенных показывает существование толерантных установок и веротерпимости, которая была характерна дагестанскому обществу практически на всех этапах его исторического развития. Данный тезис подтверждается и в личных беседах с руководителями общин, выражающих мнение о существовании толерантного отношения руководства республики по отношению к ним.

Вместе с тем результаты нашего исследования показывают наличие в массовом сознании противоречивого культового поведения, что подтверждается ответами на вопрос: «Проповедуете ли вы ваше религиозное учение среди людей, не исповедующих вашу религию?». По результатам нашего исследования, 66,7% дали положительный ответ, в противовес 9,5%, ответивших отрицательно, и 20,6% затруднились выразить свою позицию. Обращает на себя внимание позиция «убежденно верующих» (75,6%), распространяющих свое вероучение среди последователей иной религии, такой же позиции придерживаются 50,0% опрошенных из подмассива «верующих»; 7,3% «убежденно верующих» и 13,6% «верующих» не проповедуют своего вероучения среди последователей иных религий; при этом 12,2% «убежденно верующих» и 36,4% «верующих» затруднились с ответом.

Таким образом, по результатам двух вопросов можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, опрошенные позитивно оценивают прозелитизм только при условии ненасильственного и мирного его распространения, а также путем добровольного распространения, но, с другой стороны, для респондентов характерно вести проповеди среди исповедующих другое учение, не думая о негативных последствиях своих действий.

В начале 90-х гг. XX в. в связи с активизацией миссионерской деятельности местных про-

тестантских организаций были случаи, когда они появлялись в сельской местности республики. Например, в с. Ташкапур Левашинского района, где преобладающее место занимает исламская религия и в с. Бухнач и Цнак Табасаранского района – пятидесятники, в с. Терекли-Мектеб Ногайского района – баптисты, в с. Кочубей Тарумовского района – адвентисты, есть предположение, что Свидетели Иеговы вели активную проповедническую деятельность в с. Хунзах Хунзахского района⁸. Разумеется, такая активность со стороны христианских миссионеров вполне ожидаемо провоцировала межрелигиозную напряженность в Дагестане. В связи с этим представляется важным установить позитивную/негативную роль протестантских миссионеров в современном дагестанском обществе на сегодняшний день. В ответах на вопрос «Играет ли положительную роль в установлении стабильности и согласия в Дагестане деятельность прозелитов?» больше половины опрошенных (61,9%) затруднились выразить свое мнение, 31,7% усматривают в их деятельности положительную роль в формировании принципов межрелигиозного согласия и стабильности в республике, и статистически незначимая доля опрошенных оценивают прозелитическую деятельность отрицательно (4,8%). По подмассивам в подгруппах «убежденно верующих» (58,5%) и «верующих» (68,2%) затруднились с ответом; положительно деятельность прозелитов охарактеризовали 34,1% в подгруппе «убежденно верующих» и 27,3% «верующих»; отрицательного утверждения придерживается статистически небольшая доля в подгруппах «убежденно верующих» и «верующих» – 4,9 и 4,5% соответственно.

Для выяснения мотивации и религиозного поведения опрошенных им был задан вопрос: «Какова цель привлечения вами в свои ряды людей, исповедующих другое религиозное учение?». Результаты нашего исследования показывают, что 58,7% опрошенных ближе к суждению «целенаправленно мы никого не привлекаем в свои ряды, кто хочет, тот может принять наше религиозное учение», дополненное существенным уточнением, в котором можно усмотреть, если можно так выразиться, «изъяны» в других вероучениях, – «мое вероучение учит людей добру и сочувствию больше, чем другие религиозные учения» (27,0%). По подгруппам первое суждение разделяют 61,0% самоидентифици-

рующихся как «убежденно верующие» и 54,5% «верующих», а второе ближе 26,8% «убежденно верующих» и 27,3% «верующих». О противопоставлении и существовании религиозной интолерантности свидетельствует позиция, выраженная в установках 17,5% опрошенных по всему массиву, а также 14,6% «убежденно верующих» и 22,7% «верующих», считающих свое вероучение «более совершенным и правильным по сравнению с другими религиозными учениями». Статистически небольшая доля в подгруппе «убежденно верующих» (2,4%) проповедь мотивируют стремлением «увеличить число последователей своего вероучения».

Таким образом, мы можем констатировать, что опрошенные имеют различные точки зрения на распространение своего вероучения среди исповедующих другие религиозные учения, а также механизмы его использования. Однако для респондентов характерна противоречивость: с одной стороны – провозглашение принципов свободы выбора того или иного религиозного мировоззрения, с другой – установка на подчеркивание исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности».

Примечания

- 1 Каргина И. Г. Самоидентификация верующих : социальная мотивация // Социс. 2004. № 1. С. 45.
- 2 См.: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском союзе и в России. 1985–1997 гг. М., 2010. С. 178–179.
- 3 Ильясов Ф. Н. Религиозное сознание и поведение // Социс. 1987. № 3. С. 51.
- 4 Ушакова Н. Протестанты в Дагестане // Молодежь Дагестана. 2004. 12 марта. С. 10.
- 5 См.: Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016.
- 6 Интервью О. Б. Халидовой с пастором церкви «Осанна» Н. Я. Чумаковым, январь 2016.
- 7 См.: Шахбанова М. М. Проблема веротерпимости в Республике Дагестан : состояние и тенденции // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 68.
- 8 См.: ЦГА РД (Центральный Государственный архив Республики Дагестан). Ф. р-1585. Оп. 3. Д. 25. Л. 35.

Образец для цитирования:

Халидова О. Б., Шахбанова М. М. Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>

Cite this article as:

Khalidova O. B., Shakhbanova M. M. Social Portrait of Dagestan Protestants (By the Results of Sociological Research). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 62–67 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>